

18+

АРТЕМ ГРАЧ

Деревня-онлайн

Артем Грач

Деревня-онлайн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42225271

ISBN 9785449660053

Аннотация

Хорошо лежать в траве зеленойИ, впиваясь в призрачную
гладь,Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,На себе, уставшем,
вспоминать.С. Есенин. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Деревня-онлайн

Артем Грач

*Я снова здесь, в семье родной.
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.*

С. Есенин.

*Любое сходство, с кем-либо из персонажей,
не более, чем совпадение*

© Артем Грач, 2020

ISBN 978-5-4496-6005-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Просыпаюсь я обычно сам, достаточно рано.

Раньше и ложился рано, и просыпался в то же время, а сейчас ложусь в начале одиннадцатого, результат тот же.

То ли привычка, то ли к старости у всех людей так.

Ну, а в последнее время будят кошки, которые ночуют частью на скотном дворе, а частью надо мной на чердаке.

И так, как там лежат четыре имитации бруса на хранении, вот они по ним и скачут.

Скачки начинаются аккуратно в пять часов, но зима-не лето, вставать еще рано, и я мучаюсь в полудреме до половины шестого утра.

Потом начинается резкий подъем, не люблю нежиться в постели.

Обязательный, а может и вовсе необязательный, кофе, затем выхожу на терраску бани покурить.

От этой заразы отвыкнуть очень, очень сложно, и неоднократное бросание курения, ни к чему не привело.

В таких случаях говорят, силы воли нет, или стимула.

Хотя, стимул, это мое же здоровье, но привычка в очередной раз перебарывает силу разума.

В общем, вышел, а навстречу вся эта мяукающая орда, да еще тумен с скотного двора подтягивается, на вой тех, кто топал на чердаке.

Начинаю считать, Барсик, Ксюха, Филя, Ластена, Свиристелка, Кнопка, Мелкая... , а вот Мелкая как раз и не придет больше, морозов не перенесла.

И хотя на скотном дворе тепло, нет их все же тянет ночевать на чердак, одна отночевалась.

Барсик, найденыш, года два назад приблудился откуда-то, возможно от соседки, напротив.

Нашел его в радиаторах, которые лежали возле калитки. Минут пятнадцать ходил около, пока понял откуда писк доносится.

Маленький был, в рукавицу поместится, но выжил все же, приبلуда, он и есть приبلуда.

Сейчас заматерел и превратился в мощного красивого кота.

Рос вместе с Муреной и Ксюхой, но Мурены больше нет, так же, как и старшей Ксюхи, и Муськи, порвали на лугах собаки, или собака, так и не уследил кто.

Ксюха, красавица и охотница, но мамка никакая, второй помет уморила.

С одной стороны, вроде и хорошо, мороки меньше, с другой стороны, жалко.

Филя, он же Филька, похож на Ксюху, но это только окрас, а так, характер нордический и выдержанный.

Сам ласкаться не полезет, это не Барсик с наглой мордой, тот ко всем будет приставать и всех соседей обойдет в поисках десерта.

Ластена, кошка-однолюбка, кроме меня никого не признает и поласкать себя не даст.

Любимое место, где посидеть и подумать о тяжелой кошачьей доле, это два ведра рядом.

Как она умудряется усидеть на бортиках ведер, уму непостижимо, но ей это нравится.

Свиристелка, свое имя получила от того, что громче и жалобнее всех мяукает, когда просит есть.

Во время дойки любит сидеть на ребре доски у закуты свиной и орать мне в ухо.

Громче ее, пожалуй, только Мурена орала, но та требовала, а не просила.

Кнопка, тоже не местная, в смысле не дворовая, принесла дочка, ей муж откуда-то привез.

Поселили в доме, но через две недели пришлось на двор отправить, гадила, где не попадя.

Кошка лохматая, породистая, хотя еще не кошка, кошечка.

Кнопкой ее назвала дочь, так имя за ней и осталось.

Думал в морозы не выживет, но нет, тогда как другие сидели в теплом дворе, или возле трубы на чердаке, эта смело фестивалила по снегу.

Ну а тех, кого уже нет и далече, смысла нет перечислять, и так часть из них вспомнил.

В общем, я курю, они сидят, смотрят на меня, ждут, когда хозяин первую порцию отравы примет и их соизволит

покормить.

Иду.

День начинается.

Сначала несколько ведер воды наливаю, выношу все на терраску.

Орда ждет, кто молча, кто с лаской, а кто просто орет во все горло.

– Хозяин, ты не проснулся что ли еще, мы жрать хотим, шевели ногами веселей.

– Если бы не топали мне по голове с пяти часов, я бы нормально выспался и шевелился, а сейчас цыть, и все умолкли.

В подойник водички теплой, вымя корове, соски помыть, хоть и не грязнуля, но мусор с подстилки соломенной соберет.

В карман краюху хлеба, опять же ей, без этого никак, приучил.

Свиньям сыворотку в ведре, собаке варево в трехлитровом бидоне.

Вроде никого не забыл и ничего.

Жена, порой шумит, что я скотину кормлю лучше, чем сами кушаем.

Это не так, конечно, но кто же ее покормит, человек хочет есть, хочет не есть, а скотинку кормить необходимо, коли уж завел ее.

А побаловать кусочком хлеба, да это же одно удовольствие, и ей, и мне.

Ладно, загружаюсь на терраске, дверь нараспашку.

Орда частью впереди, частью сзади, а кто и под ногами крутится нароя уронить меня вместе с ведрами с водой.

Ведро в тамбур перетаскал.

Раньше здесь кухню планировал, печь поставить, скотине овощи варить, но прижали морозы, и пришлось печку в сарай посредине к окну установить.

Варить не стал на ней ничего, набегаясь, да и скотину лишний раз беспокоить не охота.

Но печку все же иногда топил, когда морозы за двадцать градусов пошли, и то, чтобы вода не замерзала.

Постоянно натаскиваю в запас, свет часто отключают, а с колодца по сугробам, да по морозу, такой экстрим не радует.

В общем, теперь в тамбуре кормосмесь лежит, и мотоблок стоит с косилкой, да до морозов козы были, сейчас, все же, перевел в сарай.

Следующий заход, подойник, свиньям сыворотка, два ведра в одной руке, в правой бидон с варевом для собаки.

Часть орды засела в сарае, Барсик неугомный, за мной как челнок.

– Ну пошли тогда Грея кормить.

Собака, Грей, помесь европейской и австралийской овчарки.

Окрас соответствующий, половина от европейки, и пятна, как у гиены, от австралийки.

Нарезает круги возле будки, ждет, когда я уже все в сарай перетаскаю и к нему подойду.

Будка, не будка, полувольер.

Сама будка, утепленная пенопластом десяткой, находится под навесом, огороженным с трех сторон, в углу сада возле сарая.

– Та-ак, кастрюлю опять куда-то загнал, Марадона?

Любит он с ней играть, гоняет туда-сюда.

Или в зубы возьмет и тащит в будку, особенно если кто-то возле вольера из живности появится.

Кастрюля мол моя, и никому не дам ее.

Лизнул в нос.

– Доволен...?

Ну и ответная ласка разумеется, по заливку потрепать, поболтать с ним минуту.

– Некогда Грей, некогда, ешь, другие тоже ждут.

Орда орет в тамбуре.

– Спокойно, в порядке очереди, ваш номер вообще последний, после дойки, так что заняли излюбленные места и не крутимся под ногами.

Долгожданная встреча, все орут, ну правильно, с вечера же не виделись.

Слева хватают за рукав, ну это Гоша.

– Гоша, ты козел, хочешь, чтобы я опять ведро уронил?

В прочем он и есть козел, самый натуральный полуальпийский и полузааненский.

Рядом с ним мамаша, Милка, и еще один козел, вообще-то, еще козлик, Гришка.

Так уж повелось, козы на букву «м», козлы на букву «г». Справа заклохотали куры.

Петух доложил, что в его гареме все нормально, больных нет, раненых нет, яиц нет, сам понимаешь-зима, тещи тоже пока не появились.

Слева дверь закуты напряглась.

– Нюся не дави, успеешь, дверь выломаешь, накормлю последней.

Впрочем, Нюся, это Нюся свиноматка, спокойная флегматичка, поела и спать, но это пока не опоросилась.

После опороса ни к себе, ни в закуту никого не пустит, ну кроме меня разумеется, хотя тоже с осторожностью стараюсь поросят брать, норов у Нюси меняется кардинально.

Справа опять о чем-то шипит индоселезень.

Все пытается стать хозяином скотного двора, но пока что разве петуха перед курами унижил.

С ним вместе в закуте индоутка.

Держу их только для души.

Утка несется, когда ей вздумается, может и летом, может и в ноябре.

Утенка ни одного не высидела, зато яйца естественно попортила.

Посидела с неделю и смылась по своим делам.

Когда селезень ее чем-то достает, то ли своим занудством,

то ли чересчур огромным желанием, не зря же умудряется и кур, и гусей топтать, она кратенько так, часа за два, высказывает ему все, что о нем думает.

То ли совесть у него просыпается, то ли нравоучения утки надоедают, но на недельку успокаивается и никого не задирает, разве что кроме меня, я у него враг номер один.

Невлюбил больше, чем петуха.

Может по полчаса за мной таскаться, лишь бы ущипнуть.

И гладил его, и терпел, и прутом отхаживал, ничего не помогает, вот такая у нас с ним «дворовая дружба».

Слева гогот, это гуси так здороваются.

Четверо их у меня, гусак и три гусыни.

Было пять, гусака два было, но пришлось одного в суп отправить.

Тот, что остался, посильнее другого был, и взялся с весны метелить его, проходу не давал, к гусыням и близко не подпускал.

Ладно, отсадил я его, думал по лету помирятся, да не тут-то было, снова лупить начал, до крови бил.

Выпустил с утками, но и здесь опять-двадцать пять.

Селезень, видя, что тот один, решил показать, кто в саду хозяин, и чьи яблоки с травой вокруг, да заодно и чья жена утка.

В общем, совсем хреново гусаку, и один орет, и гулять не пустишь.

Ну вот и моя закута, в смысле, типа кухоньки.

Здесь и вода, здесь и печка, здесь и полки для всего необходимого, тут же рядом тятка навоз чистить, вилы и лопата.

Тут же и кошки спят в картонной большой коробке, ну кому лень задницу морозить.

Перетаскиваю ведра с водой, подойник и сыворотку, мешок с кормосмесью.

Все на месте, пора и за работу.

Тятку в руки и следуем дальше по сараю, а он не маленький, вместе с тамбурами девяносто квадратных метров, и то порой кажется, что мал, особенно когда приплод новый.

Справа, рядом с кухонькой, Борька, хряк, помесь вьетнамки и дикого кабана.

Нюська, такая же помесь.

– Боря, не разбирай закуту, успеешь.

Слева свинка на откорме, кличка Чухонка.

Сколько бы подстилки не валил ей, вечно у нее грязно, то воду перевернет, а то просто всю подстилку с навозом смешает.

Навоз я у них до весны не убираю, только солому ежедневно подсыпаю, так гораздо теплей в сарае.

А весной их на улицу, и начинается картина «Бурлаки на Волге» по вывозке всего навоза, короче без рук и ног остаешься, но это еще, когда будет.

Ну вот и основное хозяйство.

Слева телка Малинка, грязнуля и озорница.

Насчет грязнули, это все же условно, просто привыч-

ка дурная, просмотришь, обязательно в пластиковый ящик с водой навалит, а то еще и с ногами в него заберется.

Материшься, воду на улицу, ящик моешь и снова наливаешь.

Ведро воды принес напрасно, коту под хвост, в смысле на улицу.

А она, как дите невинное, морду вытянула, голову на бок.

– Почеши мне шейку и мордочку, хозяин.

– Шас я тебя почешу негодница, тяткой и почешу, озорница.

Да ей по фигу, материться ты можешь сколько хочешь, даже и не знает, что такое больно, ни разу еще не наказал, она стерва этим и пользуется.

Вот и кормилица наша Марфушка.

Покупали Мартой была, но с такой кличкой корова уже этот сарай проходила, переименовала жена в Марфу.

Ну Марфа, так Марфа.

Тоже ластена, как и дочка ее Малинка.

Норовистая все же корова, с характером, может молоко отдать с сосков течь будет, а может и прижать, дой и мучайся.

Может стоять не шелохнуться, а может и ногой бить, когда не в настроении.

Помучался я с ней помучался, да и сделал станок специальный, ноги закрываю с обеих сторон досками, и сбоку доской отгораживаю, стоит.

Но есть смысл мучиться, ведерница корова, и молоко на-

ивкуснейшее.

Кусок хлеба свой получила, стоит ждет, когда приберусь и кормить начну.

Навоз отгреб на проход, пора и начинать кормление.

Начинаю с крупного рогатого.

Кормосмесь, корове три полуторалитровые кружки, телке пока одну с верхом, мала еще.

А дальше все пошло по кругу.

Козам, в смысле двум козлам и козе, кружку не полную, нечего баловать.

Опять таз перевернул козел.

– Ну и чего ты на него забрался, как на постамент, нет памятника козлам, так что слазь.

Спихнул с таза, не доволен, головой мотает, норovit то ли боднуть, да рогов нет, то ли ухватить за куртку.

Следующих кормлю кур, ну этим кружка с верхом.

– Петрович не хамей, куда вперед всех лезешь, не джентльмен ты у меня... вот и постой пока в сторонке.

Отпихнул ногой, ворчит, зло сорвал на курице клюнув ее в крыло.

– Бестолковый ты Петя, ох и бестолковый, тещ на тебя нету.

Ну, а тут меня ждут, ишь как шипит.

Ладно бы утку защищал, так, нет же, надо свое я показать, мол, хозяин двора, а ты всего лишь обслуга.

– Счас я тебя обслужу, допросишься ты у меня, ох и до-

просишься.

Пристраивается к моей ноге нарочью ущипнуть, рукой оттолкнул в сторону, насыпал кормосмеси, да и вон из закуты, пока не ухватил за штанину, не оторвешь потом заразу.

– Нюся, вставай моя девочка, вставай, пора завтракать, чего снова улеглась.

– Говоришь, женщина уже..., ну извини, запомятовал, не ворчи, давай за ушком почешу.

– Вот так, вот так, ну и чего ты снова завалилась, я тебе за ухом чешу, а не пузо твое.

Кормосмеси тоже кружка с верхом, не больше, иначе останется, или переедят, а это уже проблема.

Бывает просмотришь, а они ящик с водой несколько раз опрокинут, вот тебе и запор, и в итоге дня на два будут сидеть на одной воде.

– Чухонка, мать твою за ногу, опять все раскидала стерва, ящик толкай сюда, да не тот..., ладно толкай оба.

– Успокойся Нюся, это я так образно, никто тебя за ногу не хватает.

Вечером только соломы навалил Чухонке, и где она, весь с навозом смешала, чушка неугомонная.

– Боря, пора уже привыкнуть, что твой номер последний, ты у нас взрослый, а дам тем более всегда пропускают.

– Петух с селезнем, и козлы, не дамы???

– Полностью с тобой согласен, козлы все, кроме тебя.

– Да помню я помню, что ты у нас из кабанов вьетнамских, не надо мне об этом каждое утро напоминать.

– Все Барбарисыч угомонись, зато сыворотка тебе всегда погуще остается.

Кормосмесь раздал, теперь поение.

Сыворотку разбавляю водой, хотя какая там сыворотка, считай, что молоко одно.

Сначала Нюсе, той пожиже, чтоб запоров не было, свиноматка, беречь надо.

Потом Чухонке, этой вроде как середина наполовину, расти еще сколько, вес набирать.

Остатки с гущей Боре, тот пустую воду пить не будет, опрокинет ящик и начнет закуту разбирать.

Теперь сено, его даю вволю, хотя нет, нет, да и посматриваю на то, что осталось, а каким еще май будет.

В позапрошлый год думал не хватит сена.

Корову на пастбище выгнал только после пятнадцатого мая, брать нечего, а про то, чтобы подкашивать траву овцам, козам и быку, и речи не было, вот и кормил почти до июня их сеном.

В эту зиму два стога и сеновал забит.

Второй стог заканчиваю, но еще числа до пятнадцатого-двадцатого февраля хватить должно, месяц уже начался.

Сено хорошее, душистое и мягкое, июньское, июльским был последний стог, который уже скормил.

Корова с телкой съедают все до травиночки.

Дела сделаны, все накормлены, пора доить.

Собираю станок за минуту и сажусь к корове.

Орда рядом на своих излюбленных местах, кто-то молча, а кто-то всю дойку будет орать.

Вымя подмыто, соски смазаны.

– Давай, Марфушка, с Богом, давай моя хорошая.

Сегодня корова в настроении, всего лишь раза два переступила ногами, и молоко отдала легко, подоил быстро.

Орда уже наготове, ринулась к мискам прыгая через друг друга.

Барсик, с наглой мордой, прошелся по остальным, распищал всех и уселся посрединке, ноги в миске, ждем-с.

– Басятка, лапы вытащи с миски, я тебе их молоком мыть не собираюсь.

Оттолкнул, был первым, стал последним, но морда то наглая...

Нравится мне вот этот момент, в сарае тишина, лишь только слышно чавканье, хрумканье, стук клювов подбирающих кормосмесь, все сыты, а я доволен.

Ну теперь до девяти, пока рассветет, дома хлопоты и пару часов отдыха, а потом снова вода, навоз, сено и остальные текущие и непредвиденные дела.

Глава 2

Орда осталась в сарае, но ненадолго, через полчаса затопают по чердаку, стоит только печь растопить.

Да, на дворе век двадцать первый, а у меня пока дрова и печь, которую и перетащил то из бани.

Печь чисто банная, полукруглая с решеткой для камней, хорошая печь, но металл дерьмо, прогорели стенки уже.

Хотя, впрочем, она наверно и не предусмотрена для такой интенсивной топки два раза в день.

Тепло держит, но не долго, поэтому и обложил ее кирпичом.

Топлю утром в семь, и вечером в шесть, часа по три, иногда и меньше, в общем, от погоды.

Температура ниже восемнадцати не падает в доме, хотя дом еще и не доделан до конца.

Это у меня первый дом, который я построил полностью сам, от фундамента до отделки, часть отделки уже сделана.

Жена до сих пор удивляется, как один смог такой дом поставить, но поставил же.

На деревне, впрочем, тоже удивленных хватает, делегация даже приходила смотреть, что за строитель-одиночка такой объявился.

Сначала, конечно, был не дом.

Купили домик старенький, кирпичный, а стены внутри

земляные.

Не захотел я в нем жить, давит как-то.

Окна маленькие, света мало, как в склепе каком-то.

Рядом с ним сарай был дощатый, не утепленный, разумеется.

В общем, приспичило нам сначала хозяйство, а не дом.

Купили корову, потом трех поросят, тех самых вьетнамок с помесью кабана, далеко за ними ездили, не прогадали.

К этому всему еще куры добавились, да Грей, щенком трехмесячным, это сейчас он лапы положит и завалит.

Напоследок, дочка козу всучила с козликком, не где ей их в зиму держать, да и кому держать, если они на зиму в Москву уезжают.

А купила козу из-за того, что малышей двое, им бы козьё молоко.

Пришлось на зиму коз к себе забрать.

Вот вся эта орава и ютилась в той сараюшке.

А там еще и бычок добавился.

Грей вместе с свиньями рос, то-то, как сейчас их увидит, или услышит, готов из шкуры выскочить, лишь бы с ними поиграться.

Зима холодная в тот год была, чем только я эту сараюшку не утеплял, и старыми вещами, что от прежних хозяев остались, и навозом стены обкладывал, перезимовали.

Но вторую зиму в этом сарае как-то не хотелось, тем более приплод пошел, а там и так развернуться негде.

И весь материал, который был куплен на дом, пустил на новый сарай.

А материал лежал у сына, через дом от нашего.

Короче, тридцать кубов я на себе на расстояние двухсот метров и перетаскал.

Доски еще ладно, а вот брус шестиметровый, пятнадцать на пятнадцать, можно представить, что все мне это стоило.

Сарай начал по весне в начале марта, снег еще лежал, и сарай не маленький, а в июне вся скотина уже была в нем.

Вот где было раздолье, но оказалось рано радовался, места все равно маловато.

Без приплода еще туда-сюда, а с приплодом голову ломаешь, куда их всех распихать.

Да еще овцы добавились, тем тоже места не мало надо.

Но все же, это не тот старый маленький сарайчик.

Второй, в строительстве, была баня, с парилкой, она же и моечная, с предбанником и терраской, даже с вторым этажом, планы были грандиозные.

Но годы идут, что-то меняется, похоже, второго этажа не будет.

Да и саму баню чуть не снесли, после того, как сердечко прихватило в парилке, жена потребовала, чтоб я от бани отказался, мол ванна есть.

Но разум победил, баня осталась.

На месте этой самой сараюшки, плюс еще площадь какая-то была, между баней и старым домом, вплотную к ним

поставил дом новый.

Нормальный такой домик, девять с половиной на восемь метров.

И чердак хороший, вполне второй этаж можно устроить.

Изначально, дом планировал ставить на больших фундаментных блоках и подвал под домом, но выяснилось, что вода близко и пришлось все переиначить.

Блоки продал, а дом сделал каркасный на маленьких блоках.

Начал я его, если память не изменяет, то ли в июле, то ли уже в августе, но сенокос был к тому времени закончен, это точно.

В общем, до снега дом уже стоял под крышей, коммуникации проведены и начал обшивку осб-плитой.

К весне дом был почти готов, и лето я жил в нем, а в конце октября полностью в него переехали.

Две зимы жили у сына.

До сих пор удивляюсь, как у них терпения на нас хватило.

Зимой ладно, приезжали только на праздники и выходные иногда, ну а летом, спали ведь в их комнате, а они сами ютились то в коридоре, то на кухне.

Разумеется, порядок соблюдали идеальный, да и коммуналку всю оплачивали, но, все же.

Я ведь тоже не ангел, бывало и выпивал, особенно когда с женой беда приключилась.

И так себя чувствовал неуютно в роли примака, а тут еще

одна проблема.

Короче, запил, ясен пень, что сыну это не нравилось, но терпел ведь, терпел, словом плохим ни разу не обмолвился.

Неуютство, это мое, примаковское, и в своем новом доме продолжалось, все как-то не так было, пока наконец не понял, не примак я здесь-хозяин.

И жена у меня золотая, дал Бог на склоне лет пожить счастливо и спокойно.

Хоть и живем не расписанные гражданским браком, ну, да это уже дело второе.

Осталось в доме не так уж и много недоделок.

Основное, это конечно отопление газовое, потом фундамент утеплить, стены облицевать, и внутри вагонку завершить, вот вроде и все.

А так, вода в доме, горячая и холодная, газ тоже, свет, канализация, ванная.

И дом, в общем-то, теплый, и уютный, светлый.

Но пока возня с дровами и печкой.

Пришел с сарая, а глаза сразу фиксируют то, что надо делать сейчас, дров принести, с вечера не осталось, собаке варить.

Ставлю подойник и иду за дровами, охапка сухих, и охапка сырых, так лучше, и дрова не тлеют, и горят ровно, без большого жара.

А то раз раскочегарил сушняком, изоляция не удержала

жар и загорелся потолок, хорошо дома был, чуть ли не голым взлетел на потолок с ведром воды, успел.

Изоляцию пришлось срочно полностью переделать, и топить с оглядкой, и аккуратнее.

Дров натаскал, переделался, надо молоко процедить, подойник помыть.

Жена спит, проснется не скоро.

Разные мы с ней в этом.

Она сова, с делами может до трех ночи возиться.

Я жаворонок, мне не позже десяти, а то и раньше надо уже спать, зато встаю рано.

Впрочем, если и позже лягу, все равно встану чуть свет.

Печку растопил, покурить и отдохнуть до половины девятого, а там собираться остальные дела делать.

Часть орды уже здесь, крутятся у ног.

– И что мы здесь все собрались, или не все, не все, поели, попили, свободны.

Не успел в дом зайти, а по потолку уже топот, занимают места поближе к трубе.

Кстати, они меня чуть и не сожгли, изоляцию всю от трубы порастаскали сволочи, пришлось в этот раз сеткой металлической укреплять.

Барсик, вон, до сих пор с подпаленными боками ходит.

Ладно, можно и полежать немного, периодически вскакивая, то дров подкинуть, то собачье варево помешать, похоже, уже сварилось, значит только дрова.

До девяти, и печка протопится.

Глава 3

Воды налил четыре ведра, пора в сарай снова.

Еще раз вычистил навоз, вывез в овощник, на огород уже не проедешь, замело все по верхушку ворот.

А там еще и дрова горбыль лежит, по любому откапываться и перетаскивать, но это не сегодня.

Натаскал сено, дал корове с телкой и козам еще понемножку, воды всем долил, соломы достелил.

Теперь до половины пятого, а потом все по новой.

Вечером дою в начале седьмого, так же, как и утром, но скоро вечернюю дойку сдвигать на час, день прибавляется, потом еще на час, а летом доить уже в девять вечера.

Снег опять навалил, хоть и немного, но чистить надо.

Вообще, в эту зиму на снег лимита нет, валит и валит, то снег, то мороз.

Похоже глобальное потепление начинается с глобального похолодания.

Вон, и Вильфанд говорит, мол до апреля весну не ждите, а мы же настырные, мы ждем, и в феврале, и в марте...

Марadona опять свою кастрюлю в снег закинул.

– Хозяин, ну кинь мой мячик, что тебе жалко, что ли.

– Не жалко, нашел швейцара, тебе играть, а я на дню сто раз таскай твой мяч.

Кинул, а доволен, схватил в зубы, подкинул, лапами по-

гнал, опять куда-нибудь загонит.

Стоять смотреть хорошо, но дела никто не отменял, так что лопату в руки и вперед, хочешь с песней, хочешь молча, это уж как кому нравится и по настроению, мне что-то сегодня петь не хочется.

Прошел все тропинки по саду, теперь к дому.

Вообще, участок по документам двадцать соток, но я что-то намерил гораздо больше, наверно у меня рулетка неправильная, петрыкинская, я-жмот.

Шучу, конечно, но прибираю все, что надо и не надо, и порой на вопрос жены или детей, а есть ли у тебя это, отвечаю, у Петрыкина есть все, если поискать конечно.

Так я про участок вроде начал.

Шириной двадцать метров, а длиной..., в общем, по самое не хочу...

Дом старый стоит в семи метрах от забора, ну и до дороги еще метров десять.

Сам дом пять на пять, плюс что-то типа летней кухни дощатой, еще квадратов восемнадцать, да терраска дощатая, добавим квадратов, ну столько же.

На терраске сейчас квадроцикл жены, два моих мотоцикла, грузовой Днепр, и Урал с коляской, а также сына, грузовой Урал.

Впихали по осени все сюда, а то на улице под баннерами стояли.

Слева от дома, если на улицу смотреть, в углу поставил

два склада из профиля.

В одном мешки коробки и так далее, в другом стоит прицеп, и разные трубы, профили пластиковые, и на хрена они мне, окна, ведра, колеса, короче, чего только нет, ну Петрыкин же, или вы забыли. . .

Рядом с складами липа, было две, но вторую соседка спилила, на границе участка стояла, я возражать не стал, во-первых, дрова, а, во-вторых, липа ее крышу ломала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.